

охлаждение, отчуждение, ненависть и нелюбовь – тот спектр семейных проблем, осмыслить которые поставили своей задачей Ф. Мориак и Э. Базен.

Литература

1. Базен, Э. Семья Резо: Змея в кулаке. Смерть лошадки. Крик совы: романы / Э. Базен. – М. : «Амальтея», 1993. – 448 с.
2. Гиленсон, Б. А. История зарубежной литературы второй половины XX – начала XXI века : учебник для бакалавров / Б. А. Гиленсон. – М. : Изд-во Юрайт, 2015. – 290 с.

О.Ф. Жилевич

Полесский государственный университет

e-mail: jilevitch@gmail.ru

УДК [821.133.1.09(092)]

РОЛЬ АЛЛЕГОРИИ В РОМАНЕ «ПЛАКАЛЬЩИЦА ПРАЖСКИХ УЛИЦ» СИЛЬВИ ЖЕРМЕН

Ключевые слова: *французская литература, философско-аллегорический роман, Жермен, аллегория, Прага.*

В статье отмечается, что С. Жермен, современный французский писатель, в своих произведениях поднимает глобальные проблемы человечества с целью подтолкнуть читателя, нашего современника, преодолеть злобу и насилие и осознать первичность духовных ценностей. Выявлено, что аллегорический образ Плакальщицы как «провидца видений» объединяет достоверные факты, а с другой – связан с мифом и вымышленным миром. Определено, что иносказательный персонаж – это персонифицированное воплощение чешской Праги и его исторического прошлого. Установлено, что пространство в романе – локальное, оно ограничено рамками одного города.

O.F. Jilevich

Polesky State University

THE ROLE OF ALLEGORI IN THE NOVEL «THE WEEPING WOMAN ON THE STREETS OF PRAGUE» SYLVIE GERMAIN

Key words: *French literature, philosophical and allegorical novel, Germain, allegory, Prague.*

In the article it is noted that S. Germain, a modern French writer, in his works raises the global problems of humanity with the aim of pushing the read-

er, our contemporary, to overcome anger and violence and realize the primacy of spiritual values. It is revealed that the allegorical image of the Weeping Woman as a “seer of visions” unites authentic facts, and on the other hand, it is associated with myth and a fictional world. It is determined that the allegorical character is a personified embodiment of the Czech city of Prague and its historical past. It is established that the space in the novel is local, it is limited by the framework of one city.

Сильви Жермен – один из наиболее эмоциональных «голосов» современной французской литературы. В своих произведениях писатель поднимает глобальные проблемы, которые затрагивают все человечество: «она исследует природу вселенского зла в его наиболее насильственных аспектах: войны, убийства, кровосмешение, страдания и самая разнообразная боль людская» [1, 31].

Роман «Плакальщица пражских улиц» *La Pleurante des rues de Prague* (1992) открывает цикл повествований о Праге. Погружая читателя в чешский мир и поэзию, произведение знаменует собой переломный момент в творчестве и мировосприятии С. Жермен: «После работы над «Плакальщицей» я начала писать и видеть мир по-другому» [2, 61], – признается она в 1997 году.

Написанное от первого лица, это произведение повествует о скитании гигантской *Плакальщицы*, одетой в потертое платье. Аллегорический образ, символизирующий несчастье, возникает в четырех уголках Праги и побуждает читателя к размышлениям о страданиях людей и ранах истории. С одной стороны, автор продолжает традицию великих писателей, таких как Ян Неруда, Лев Перус, Кафка, Богумил Грабал, Анджело Рипеллино, которые посвятили свои труды прославлению туманного и мифического города – Праге. С другой стороны, С. Жермен обращается к мифам городской поэзии, создавшим образ *прохожей-Плакальщицы*, который известен по знаменитым поэмам Ш. Бодлера «Прохожий» и «Надя» А. Бретона. Поэтическое повествование С. Жермен напоминает длинное стихотворение в прозе представителя чешской поэзии, который излагал «сентиментальную и эстетическую топографию» своего любимого города накануне аннексии чешских территорий рейхом. Но он выходит за рамки этого подхода и отличается развертыванием аллегорического «видения», которое позволяет ему кристаллизовать образы и значения текста.

Какую роль играет аллегория в романе Сильви Жермен? На первый взгляд, использование аллегории в современном тексте может показаться смелым и неординарным, поскольку авторы и критики давно считают эту форму иносказания пыльной и старомодной, предпочитая ей символ, открытый и обусловленный рядом факторов. Однако, по словам П. Лабарта, «только близорукая эстетика может утверждать, что аллегория изжила себя» [3, 12]. Он раскрыл глубину этой фигуры в поэтическом видении Ш. Бодлера и его риторической меланхолии. В романе «Плакальщица

пражских улиц» С. Жермен, как и во многих стихотворных произведениях автора сборника «Цветы зла», аллегория – привилегированная многозначная языковая форма, посредством которой можно отразить и глобальные идеи, и душевные колебания.

Цель настоящего исследования – выявить специфику функционирования аллегории в романе «Плакальщица пражских улиц» С. Жермен.

В классической интерпретации аллегория определяется как «описание или повествование, в котором излагаются знакомые, конкретные реальности для передачи в переносном смысле, абстрактной истины» [4, 65]. В произведении французского романиста аллегория *Плакальщицы* – это повествование, связанное путеводной нитью персонификации. Аллегорический рассказ приобретает вид квеста: рассказчик и читатель идут по стопам эпифанического персонажа, смысл которого они стремятся раскрыть. В романе описано двенадцать явлений *Плакальщицы*, имеющих место в течение двух лет. Таким образом, «Плакальщица пражских улиц» С. Жермен – это хроника, поскольку в произведении изображены реальные и вымышленные персонажи в социально-исторических условиях. С одной стороны, образ *Плакальщицы* как «провидца видений» объединяет достоверные факты, а с другой – связан с мифом и вымышленным миром.

Пространство в романе – локальное, оно ограничено рамками города Праги. Интересно отметить игру сходных звуков в аллегории *Pleurante* (в тексте романа лексема пишется с заглавной буквы) и топониме *Prague*. Этимология географического названия *Прага* связана с чешским словом *prah* (порог). Согласно легенде о Либуше, слуги княгини были отправлены в лес, где они нашли меланхоличного человека-гиганта, тесавшего порог дома. Образ *Плакальщицы* отражает культурно-историческую сторону города. Персонаж ассоциируется с туманом, «серостью» и «чернотой», которые характеризовали город до его реконструкции в 1990-х годах. *Плакальщица* представлена прежде всего как аллегорическое воплощение города и его прошлого: «Города как тела имеют запах. Есть у них и собственная кожа» [5, 51]. Плакальщица – это и есть символическое пространство, описанное в романе. Изображение Праги в ретроспективе – города поэтов, города бедняков, города евреев, вполне соответствует названию сборника П. Элюарда: «Столица несчастья» или сборника стихотворений Я. Сейферта «Город в слезах». Вспомним, что М. Брод назвал его также «городом зла», потому что он был отмечен провалом Реформации в XVII веке, свидетелем Тридцатилетней войны, жертвой австро-венгерского господства и, наконец, советской оккупации. Об этих исторических событиях повествует С. Жермен, которая, наблюдая жизнь Праги в период с 1986 по 1993 годы, помещает свою «Плакальщицу» в мрачную атмосферу лет, предшествовавших бархатной революции. Однако в романе намек на реалистичное время полностью сублимируется сочетанием Истории и мифа, когда город, застывший в ожидании освобождения и утешения, внезапно находит «прекрасную мечту о своем происхождении» [6, 27]. Прага помнит «тот день легенды, когда принцесса

Либуше предвидела свое будущее в великолепии и славе» [6, 12]. Это напоминание на страницах произведения о мифических истоках Праги позволило автору выразить судьбу города, который снова ожил и достиг поворотного момента в своей истории. В нем показаны усилия всего народа, стремящегося восстановить свои источники, независимость и свободу.

Таким образом, аллегория в романе С. Жермен позволяет отразить идейное содержание в тонкой и яркой форме. Аллегорический образ *Плакальщицы* одновременно истый и бесплотный, конкретный и нематериальный. Иносказательная форма повествования помогла автору в том, чтобы подтолкнуть читателя – современного человека – преодолеть злобу и насилие и осознать первичность духовных ценностей [7, 288].

Литература

1. Goulet, A. L'œuvre de Sylvie Germain / A. Goulet // Littera. – Ürün Yaymnlari, Ankara, 2009. – vol. 24. – 270 p.
2. Formánek, J. Sylvie Germain / J. Formánek // Labyrinth, 1997. – n°1. – P. 61–64.
3. Labarthe, P. Baudelaire et la tradition de l'allégorie / P. Labarthe. – Genève : Droz, 1999. – 205 p.
4. Morier, H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique / H. Morier. – Paris : P.U.F., 1981. – 570 p.
5. Germain, S. Nuit-d'Ambre / S. Germain. – Gallimard : Folio, 1987. – 280 p.
6. Germain, S. La Pleurante des rues de Prague / S. Germain. – Gallimard : Folio, 1994. – 132 p.
7. Жылевiч, В. Ф. Феномен самотнага чалавека праз прызму прытчайвай лiтаратуры/ В. Ф. Жылевiч // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сборник научных статей по материалам международной научной конференции, Пинск 21–22 октября 2016 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Полесский государственный университет ; под ред. Р.Б. Гагуа. – Пинск, 2016. – С. 283–289. DOI: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30651138> – Дата обращения: 08.02.2019.

Н.А. Каньшина

Университет гражданской защиты
Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь
e-mail: kanshyna@mail.ru

УДК 81-022.34

АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА ПОСРЕДСТВОМ РЕКУРРЕНТНОСТИ

Ключевые слова: *рекуррентность, рекуррентный лексико-семантический компонент, сема, художественный дискурс, смысл.*

Статья посвящена анализу универсальной языковой категории рекуррентности, связанной с образованием и повторным употреблением